

НОВОГОДНЯЯ НОЧЬ С ВЕЛИКИМ МАСТЕРОМ СМЕХА

Канун Нового года, конец 50-х. До «пограничного» боя курантов еще есть время. Мне не хочется его терять — ведь за столом среди гостей король юмора Аркадий Райкин. Мы в Москве, а разговор идет об Одессе.

— Аркадий Исаакович, — спрашиваю, я, — та история, что с вами произошла в Зеленом театре одесского парка имени Шевченко, это правда?

Пауза.

— Ну правда.

— Расскажи, Аркаша, — подхватила его жена Рома. — Как раз для такого вечера — веселая и добрая история.

Райкин мнется, молчит, и мне его поведение понятно... Впрочем, не буду забегать вперед.

— Ну хорошо, — говорит Рома. — С твоего разрешения я расскажу. Успех был после спектакля в Одессе невероятный. Публика неистовствует: «Рай-кин! Рай-кин!». Аркаша кланяется публике пять, десять, двадцать раз, но никто и не думает уходить. Как быть? Директор Тихоновский говорит: «Аркаша, я знаю, что делать. Надень макинтош (тогда они были в моде. — Л.А.), шляпу, спустишься к зрителям и иди к выходу».

Так он и сделал. И публика потянулась за ним. Он вышел из парка — все за ним. И так до самой гостиницы.

Рома повернулась к мужу: «Рассказывать дальше?» И пояснила остальным: «Дальше самое интересное... Рассказывать?»

— Обязательно! — весело закричали собравшиеся...

А кто кричал и кто сидел за новогодним столом в тогдашнем Художественном, а ныне, как и встарь, Камергерском проезде, в квартире, где когда-то жил певец Собинов, — сказать нелишне. В те годы у Аркадия Райкина была навязчивая идея — привлечь в авторы своих миниатюр знаменитых писателей, пусть не имеющих никакого отношения ни к эстраде, ни даже к юмору, зато с громкими именами и высокими званиями. Зачем? Ведь уже тогда славы у него было через край. Но «звезды», наверное, имеют право на слабости. Однажды, например, я встретил за кулисами Зеркального театра сада Эрмитаж — кого бы вы думали? Назыма Хикмета. Сначала подумал, что они просто друзья, но сияющий Аркадий Исаакович представил мне Хикмета, как своего будущего... автора. Был и такой случай. Я предло-

жил Райкину создать фильм, в котором, используя комбинированные съемки, все роли будет играть он один — мастер перевоплощения и смеха. Райкин согласился, но с одним условием: подключить к работе вместе со

Труда. - 1998. - 30 дек. - с. 4.

БЫЛО ДЕЛО. НО НЕ В ГРЕЧЕСКОМ ЗАЛЕ

мною еще одного, но непременно именитого автора. И предложил Льва Кассиля. Я с радостью согласился. Недолго тянул со своим согласием и сам Кассиль. Однако, откровенно говоря, из этой затеи ничего не вышло. Как и с Назымом Хикметом, и Константином Симоновым, которого Аркадий Исаакович, представьте себе, тоже заманивал на эстраду.

Так вот под Новый год мы все оказались за праздничным столом в квартире, где жил Собинов, о чем свидетельствовала мемориальная доска у подъезда. Дело в том, что Лев Кассиль был женат на дочери великого певца и жил в этой самой квартире. У него и собрались. Мы только что договорились с Кассилем о совместной работе над фильмом, а потому и решили отметить и Новый год, и это событие.

Ну а теперь вернемся к одесскому эпизоду.

Супруга Райкина продолжала:

— На следующем спектакле все повторилось — публика не хотела уходить. И директор снова предложил: «Сделай то же, что и вчера». Аркаша надел макинтош, шляпу и спустился в зал. Публика — за ним. Но у выхода ему вдруг преградил дорогу типичный одесский мальчик — этаким шкет в картузе. И вполне серьезно сказал: «Товарищ Райкин, два раза хохма — это уже не хохма».

— Да, это уже не хохма, — гру-

стно заметил Райкин под дружный хохот сидящих за новогодним столом. Вот почему мялся и молчал Аркадий Исаакович — героем этой истории оказался не он, а этот одесский шкет.

Что еще вспоминается? Снова — Одесса. Пляж правительственного санатория имени Чкалова, закрытый и малолюдный. Несколько упитанных партийных боссов и наша небольшая «хилая» компания: Райкин, Мирос и Новицкий (они тоже на гастролях и пришли к Райкину в гости). У меня пропуск на элитный пляж по блату: рядом киностудия, где идут съемки моего фильма «Город с утра до полуночи». «Город», — конечно же, Одесса.

... Короче, лежим на пляже, толкуем о том о сем. И тут вдруг с пригорка, где находится летний домик Райкина, машет рукой молодой человек среднего роста. Райкин извинился и ушел. Долго не возвращался. Мы гадаем: что за настырный молодой человек? Однако Аркадий Исаакович вернулся весьма довольный, с несколькими страничками в руках. Мы поняли: «опусы» настырного парня. Никто из нас ничего не знал тогда о человеке, которого звали Миша Жванецкий.

Как-то встретил Жванецкого, уже знаменитого, в редакции нью-йоркской газеты «Новое русское слово». Меня так и подмывало спросить: помнит ли он ту встречу с Райкиным на одесском пля-

же? А заодно поспорить, кто из нас начал писать для Райкина раньше? Помните реплику «Привет семье и детям!» Так это не из Жванецкого». Это «из меня». Не удивляйтесь, что меня «понесло». Те, кто имел дело с Райкиным, ревниво относились к «соперникам»...

Кстати, знавшие Райкина могут подтвердить, что в быту он почти никогда не хохмил. Некоторые даже поговаривали, что, дескать, он только на сцене — с чужих слов — остроумен. Но мы-то отлично знали: не было в его спектаклях реплики, которую он не пропустил бы «через себя». Помню, играл он мою первую миниатюру — «Старая тема». Я пришел на премьеру, гордый своим авторством, и с балкона слушал. Зал гогочет, а я чуть не плачу: от меня-то почти ничего не осталось...

На новогоднем вечере у Льва Кассиля Аркадий Исаакович сам рассказал такую историю. На одном из спектаклей по сценарию Массы и Червинского в зале рядом с Червинским сидела его старая мама. «Мамуля, — сказал он, — то, что будет исполнять Райкин, написали мы с Мишей. Поняла?» — «Поняла, сынок». Через некоторое время, от души насмеявшись, мама сказала: «Ах, какой же он остроумный, этот Райкин!»

Лев АРКАДЬЕВ,
кинодраматург.